

мѣромъ; а образъ, каковымъ оплакивалъ онъ свою потерю, былъ еще удивительнѣе для нихъ. Болѣзнь его была ему пищею, и въ ней находилъ онъ все свое удовольствіе. Безпокойный Алій приходитъ къ нему на посѣщеніе, не для того, чтобъ раздѣлить съ нимъ снѣдающую его печаль, но извѣдать, нельзя ли возвратишь ему прежняго спокойствія.

Пришедъ къ нему сказалъ: Омаръ, ты всегда одинъ. Ну! оставь сіе уединеніе. Клянусь тебѣ именемъ Мугамеда, ты все то дѣлаешь, что только можешь сдѣлать себя несчастнымъ. Нашелъ ли ты благополучіе, Алій? отвѣчалъ вздыхая Омаръ. . . . Что за вопросъ, Омаръ? безъ моихъ припадковъ дьявольскія ломи и несноснаго кашля, я непротѣняюсь состояніемъ и съ Калифомъ. . . . Ну! скажи же мнѣ Алій, къ чему тебѣ сія ломъ и удушье по твоимъ лѣшамъ? Полно съ вопросами: для чего, прошу тебя, отвѣчалъ улыбаясь Алій; спускай Омаръ, слѣдуй за мною, я не люблю вмѣшиваться въ дѣла другаго; однакожъ не хочу видѣть тебя долго въ семъ состояніи; весь Багдадъ видѣлъ твою печаль, но время оную кончить.

Не ожидая никакого отвѣта Алій повелъ своего пріятеля въ собраніе состоящее изъ знатныхъ и веселыхъ въ Багдадѣ людей. Тамъ смѣхъ, шушки, пѣсни; всѣ присутствующіе были во удовольствіи, или по крайней мѣрѣ казались бытъ таковыми; въ состояніи онъ удовольствія шумномъ видимое